LA PRISON D'ÉTAT RUSSE, par G. KENNAN

РУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЮРЬМА

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРѢПОСТЬ

Московской Губернскаго Библіотека Тверскаго Управленія

Жоржа Кеннана

Трубецкой бастіонъ. — Первая ночь въ крѣпости. — Рутинный обиходъ жизни въ казематѣ. — Какъ устроено наблюденіе и караулъ за арестантами. — Свиданія съ родственниками. — Привиллегіи и развлеченія. — Искусственная икота. — Способы сношенія узниковъ между собой. — Шифры посредствомъ хлѣбныхъ пиллюль. — Крылатый вѣстникъ

GENEVE
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-ÉDITEUR
68, Rue du Rhône, 68
1898

РУССКАЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЮРЬМА

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРѢПОСТЬ

Жоржа Кеннана

X

ИЗДАНІЕ

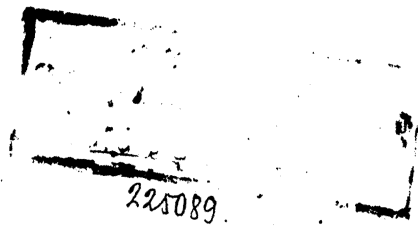
М. К ЭЛПИДИНА

GENÈVE

M. ELPIDINE, LIBRAIRE-ÉDITEUR

CAROUGE

„Пров 49“



РУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЮРЬМА.

Петропавловская крѣпость.

Петропавловская крѣпость служитъ въ Россіи большой государственной тюрьмой, въ которую рано или поздно попадаютъ всѣ важные и опасные политическіе преступники. Всякій посѣтившій Петербургъ путешественникъ помнитъ тонкій позолоченный шпицъ, подымающійся примѣрно до высоты 400 футовъ надъ плоскимъ берегомъ Невы противъ Зимняго дворца, и который издали блеститъ какъ золотое копье на фонѣ болотистаго берега рѣки и низменными водами Финскаго залива. Это шпицъ собора крѣпости, въ которомъ погребены кости русскихъ царей и вокругъ заживо погребены враги царскаго правительства. Все, что можно видѣть отъ крѣпости со стороны рѣки, на которую она выходитъ фронтомъ, представляется въ видѣ длинной невысокой стѣны изъ сѣраго камня съ рѣзко-выступающими и входящими углами и немногими пушками en barbette; видѣнъ флагъ, развивающійся съ парапета, а надъ нимъ — бѣлая колокольня съ полированнымъ шпицемъ собора и дымящіяся трубы царскаго монетнаго двора. Главнымъ входомъ въ крѣпость служитъ длинный подъ сводами переходъ, ведущій сквозь стѣну вблизи конца Троицкаго моста

въ довольно обширный зеленый и тѣнистый паркъ или бульваръ, въ который публика допускается во всѣ часы дня и черезъ который обитатели Петербургской стороны (такъ называется прилегающая часть города) могутъ проходить въ свои дома. Но сколько ни гуляй по этому переходу, нельзя составить точнаго понятія ни о величинѣ, ни о характерѣ этой большой русской тюрьмы для политическихъ. Крѣпость составляетъ цѣлое изъ совокупности многочисленныхъ бастіоновъ, равелиновъ, куртинъ, бараковъ и кладовыхъ, занимающихъ примѣрно три четверти квадратной мили и пересѣкающихся описаннымъ бульваромъ и каналомъ, или ровомъ, отдѣляющимъ собственно цитадель крѣпости отъ кронверка. Въ какой части этого обширнаго лабиринта стѣнъ, воротъ, двориковъ, бастіоновъ и редутовъ заключены политическіе, того не знаютъ они сами. Ихъ привозятъ въ крѣпость ночью съ жандармами въ наглухо завѣшанныхъ каретахъ и, когда послѣ многихъ переходовъ то туда, то сюда, черезъ разныя ворота, между глухихъ стѣнъ и сводовъ, ихъ выводятъ на свѣтъ, они видятъ себя въ маленькомъ дворикѣ, изъ котораго ничего кромѣ высокаго неба не видно. Они могутъ только дѣлать предположенія о мѣстоположеніи этого дворика. Есть нѣкоторое основаніе думать, что та часть крѣпости, куда запираютъ политическихъ преступниковъ въ ожиданіи суда, есть бастіонъ, выходящій на рѣку въ направленіи къ биржѣ, но и это еще не достовѣрно. Все что я узналъ отъ политическихъ ссыльныхъ, съ которыми познакомился въ Сибири, это — что, по ихъ догадкамъ, они были заключены въ Трубецкомъ бастіонѣ. И вотъ этой-то части крѣпости они могли дать мнѣ довольно полное описаніе.

Трубецкой бастіонъ.

Бастіонъ этотъ представляетъ массивное, пятиугольное, двухэтажное зданіе изъ камня и кирпича, длиной около 300 футовъ отъ фланговаго угла къ основанію и 250 футовъ шириною по линіи, проведенной между двумя боковыми углами (приводимыя размѣры бастіона основаны на глазамѣрѣ). Онъ расположенъ во дворѣ, на 25 или 30 футовъ болѣе длиномъ и широкимъ чѣмъ самый бастіонъ и окруженнымъ высокой стѣной, прилегающей къ лицевой сторонѣ бастіона и отдѣленной отъ него пространствомъ въ 12 или 15 футовъ. Назначеніе этой стѣны — совершенно замкнуть собою бастіонъ. Казематы, служащіе камерами для политическихъ преступниковъ, расположены въ двухъ этажахъ, одни надъ другими, и находятся въ центрѣ зданія между узкимъ наружнымъ дворомъ и болѣе широкимъ внутреннимъ. Двери въ нихъ отворяются въ корридорѣ, который внутри обходитъ казематы, а окна выходятъ на окружающую бѣлую стѣну, столь же высокую какъ самый бастіонъ и которая не только ограничиваетъ видъ во всѣхъ направленіяхъ, но и лишаетъ нижній этажъ свѣта и воздуха. Число казематовъ во всемъ бастіонѣ — 72, по 36 въ каждомъ этажѣ, и они всѣ совершенно одинаковы, за исключеніемъ угловыхъ. Такъ какъ они первоначально предназначались для постановки тяжелыхъ орудій, то и величина камеръ болѣе обыкновенныхъ тюремныхъ. Ихъ приблизительные размѣры равняются 24 футамъ длины отъ двери къ окну, 16 футовъ ширины между боковыми стѣнами и 12 футовъ вышины.

отъ потолка, слегка изогнутаго сводомъ. Стѣны и потолокъ кирпичные, а полъ покрытъ цементомъ. Массивный наружный фасъ бастіона имѣетъ у каждаго каземата сводчатое окно на высотѣ 8—9 футовъ отъ полу; это глубокое, какъ тунель, отверстіе, защищено двойной рѣшеткой и имѣетъ небольшую желѣзную форточку на петляхъ, которую можно открывать для пропуска воздуха. При данной высотѣ окна отъ полу узникъ не въ состояніи безъ подставки достичь до окна и не видитъ черезъ него ничего кромѣ верхней части наружной стѣны и ближайшаго клочка неба. Тяжелая деревянная дверь казематовъ имѣетъ въ срединѣ широкое отверстіе, закрытое подвижной доской, которую можно спускать и поднимать, и когда послѣдней дается горизонтальное положеніе, то она образуетъ полку, на которую сторожъ ставитъ пищу для узника. Сейчасъ надъ этимъ окошкомъ находится горизонтальная щель, приблизительно столь же широкая, какъ отверстіе въ уличныхъ почтовыхъ ящикахъ и закрытая деревянной дощечкой; это приспособленіе на языкѣ заключенныхъ извѣстно подъ именемъ „Іуды“ и позволяетъ сторожу во всякое время заглядывать въ камеру незамѣтно для арестанта. Нагрѣвается камера обыкновенной русской печью съ топкой изъ корридора; мебель состоитъ изъ желѣзной кровати, привинченной въ стѣну, такъ что одинъ конецъ ея можно поднять; изъ желѣзной же доски, также привинченной къ стѣнѣ около головнаго края кровати и замѣняющей столъ, изъ неподвижнаго желѣзнаго умывальника, деревяннаго ящика съ ведромъ для испражненій, маленькаго дешеваго образа Богородицы, передъ которымъ узникъ можетъ молиться и жестяной чашки, подвѣшенной подъ окномъ для собиранія влаги, стекающей съ откоса глубокаго подоконника. Общій видъ камеры — мрачный, темный и отталкивающій и, при пер-

вомъ взглядѣ, своими массивными стѣнами, сводчатымъ потолкомъ, желѣзными рѣшетками, тяжелымъ, спертымъ воздухомъ и глубокимъ безмолвіемъ напоминаетъ могильный склепъ.

Первая ночь въ крѣпости.

Когда арестанта привезутъ ночью въ одинъ изъ этихъ казематовъ, прежде всего его раздѣваютъ до нага. Производится тщательный осмотръ, не спрятано ли у него чего въ волосахъ, во рту, ушахъ или ноздряхъ, и когда тюремщикъ убѣдится, что ничего нѣтъ, то ему вмѣсто его собственнаго платья выдается тюремное, заключающееся въ сѣрой рубашкѣ изъ грубаго холста, толстыхъ подштанниковъ, длинномъ синемъ халатѣ, шерстяныхъ чулкахъ и парѣ мягкихъ войлочныхъ туфель. Какъ только онъ одѣнется, солдатскій караулъ удаляется, тяжелая дверь за нимъ захлопывается, ключь скрипитъ въ ржавомъ замкѣ и узникъ наконецъ одинъ въ своей скудно освѣщенной камерѣ. Могильная тишина окружаетъ его; не слышно ни шаговъ, ни голоса, ни вообще какого нибудь звука, указывающаго на присутствіе другого живого существа въ бастіонѣ. Каждую четверть часа колокола крѣпостного собора медленно отбиваютъ священную мелодію „Спаси Господи,“ и каждый часъ другую такую же: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ!“ Спертая, глухая атмосфера, мокрыя стѣны, подавляющее безмолвіе и умирающіе вдали звуки соборныхъ колоколовъ, все кажется говоритъ поминутно разстроенному узнику: „хотя ты не умеръ, но уже похороненъ.“ Подавленный мыслью что

здѣсь конецъ всѣмъ его надеждамъ, стремленіямъ и борьбѣ за блага родины, мучимый безпокойствомъ за участь близкихъ и дорогихъ ему существъ, онъ вскакиваетъ съ узкой желѣзной кровати, на которую было бросился въ первомъ пароксизмѣ отчаянія и начинаетъ ходить взадъ и впередъ по камерѣ. „Какъ долго,“ спрашиваетъ онъ себя, „можетъ это продолжиться?“ Онъ мысленно переживаетъ все что предшествовало и сопутствовало его аресту, припоминаетъ всѣ вопросы, предложенные ему на предварительномъ допросѣ и старается на основаніи фактовъ составить спокойное сужденіе о вѣроятной продолжительности своего заточенія. Тяготѣющее на немъ обвиненіе ему кажется не серьезнымъ, нѣтъ никакихъ осложняющихъ обстоятельствъ, которыя могли бы затянуть слѣдствіе. Авось процессъ его начнется черезъ нѣсколько недѣль, и тогда его освободятъ. Согрѣтый этимъ лучемъ надежды проникшимъ въ его сердце, онъ наклоняется чтобы надѣть свалившуюся съ ноги войлочную туфлю и въ это время ему кидается въ глаза едва видная тропинка, протоптанная на полу изъ одного угла камеры въ другой, какъ разъ по той діагонали, по которой онъ ходитъ. Смущенный темною догадкой, онъ хватаетъ лампочку и осматриваетъ ее тщательно. Не подлежитъ сомнѣнію, что это отпечатокъ стопы, не глубокій, но замѣтный, оттиснутый на твердомъ полу человѣческими шагами. Зловѣщее значеніе этого открытія дѣйствуетъ на него, какъ ударъ новаго несчастія. Онъ, стало быть, не первый уже узникъ, похороненный въ этомъ глухомъ казематѣ; не онъ первый ищетъ здѣсь въ физическомъ утомленіи спасенія отъ одолѣвающихъ его думъ. Можетъ быть, кто-то, какъ и онъ, обвиненный въ политическомъ преступленіи, и какъ онъ, полнѣ увѣренный въ близкомъ освобожденіи, пробылъ эти

слѣды своихъ шаговъ въ полу. Кто-то, тоже съ изнывшимъ сердцемъ и съ обманутыми надеждами шагалъ здѣсь не сотни, не тысячи разъ, а сотни тысячъ разъ изъ угла въ уголъ такъ долго, что твердый полъ каземата былъ придавленъ его уставшими ногами и сохранилъ отпечатокъ линію его однообразной прогулкой. Это меланхолическое напоминаніе объ одиночествѣ и тоскѣ его неизвѣстнаго предшественника обезкураживаетъ узника больше, чѣмъ все, что его постигло со времени ареста. Ему вспомнилась исторія декабристовъ; какъ въ той же самой крѣпости многіе изъ этого доблестнаго революціоннаго круга утрачивали годъ отъ году мужество и кончали тѣмъ, что умирали, или рѣшались на самоубійство, или сходили съ ума. Одинъ изъ нихъ, полковникъ Батенковъ томился здѣсь въ одиночномъ заключеніи почти четверть столѣтія.

(Исторія попытки многихъ офицеровъ вызвать при восшествіи на престолъ императора Николая революцію и ввести конституціонный образа правленія — хорошо извѣстна. Одинъ изъ участниковъ движенія Батенковъ былъ подвергнутъ одиночному заточенію въ крѣпости съ декабря 1825 до февраля 1846 г. и въ теченіи болѣе чѣмъ 20 лѣтъ онъ ни разу не перешагнулъ за предѣлы Алексѣевскаго равелина и, кромѣ своихъ стражей, не видалъ ни одного человѣческаго существа. Ему разрѣшили имѣть библію на еврейскомъ языкѣ и лексиконъ, и онъ большую часть своего времени употребилъ на новый переводъ стараго завѣта на русскій языкъ. Это умственное занятіе, вѣроятно, спасло его отъ помѣшательства, этой обычной угрозы для политическихъ преступниковъ и почти неиз-

бѣжнаго послѣдствія продолжительнаго тюремнаго заточенія. Кромѣ лексикона и немногихъ духовныхъ книгъ, Батенькову другой литературы не позволялось, и онъ во всѣ 20 лѣтъ не видѣлъ ни разу газеты и не имѣлъ понятія о томъ, что происходитъ на свѣтѣ. Онъ былъ буквально похороненъ живымъ. Въ февралѣ 1846 г. наконецъ его освободили и сослали въ западную Сибирь. Нѣкоторыя интересныя свѣденія о его жизни и характерѣ можно найдти въ письмѣ его друга г. А. Лучшева, напечатаннаго въ иркутской газетѣ „Сибирь“ отъ 30 января 1883 г. и въ сочиненіи Максимова „Тюрьма и ссылка,“ т. II, стр. 166); другой, мичманъ Дыбовъ пробылъ въ заточеніи, покуда смерть не сжалилась и не пришла освободить его; третій, поручикъ Заикинъ, не будучи въ силахъ перенести пытку одиночнаго заключенія, раздробилъ себѣ черепъ о стѣну, — тогда какъ четвертый, предпочитая также смерть жизненной агоніи, омраченной помѣшательствомъ, наглотался обломковъ стекла отъ разбитаго окна въ своей камерѣ „Воспоминанія декабриста“ стр. 185, А. Бѣляева, Спб. 1882; много вычеркнуто цензоромъ въ рукописи Бѣляева, но вышеприведенные факты уцѣлѣли).

Въ этой крѣпости до сихъ поръ находится въ одиночномъ заключеніи какой то офицеръ, хотя надзиратели доносятъ, что онъ давно пересталъ отвѣчать на вопросы, а оффиціальное изслѣдованіе показало, что онъ впалъ въ полное безуміе. Онъ продолжаетъ ѣсть, пить и исполнять всѣ отправленія, къ которымъ пріученъ многолѣтнею ру-

тяной. но его блуждающіе, точно стеклянные глаза прямо говорятъ, что послѣдняя искра человѣческаго разума въ немъ угасла; и цѣлые дни онъ сидитъ безъ движенія на кровати въ глубокомъ и безсмысленномъ оцѣпенѣніи.

(Ни имя этого офицера, ни свойства его преступленія неизвѣстны. Фактъ его существованія обнаружился на процессѣ жандармовъ, исполнявшихъ должность тюремщиковъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ въ 1882 г. и въ этомъ же году осужденныхъ на ссылку въ Сибирь за допущеніе сношенія политическихъ преступниковъ съ ихъ друзьями. По показанію этихъ жандармовъ, безумный офицеръ, извѣстный только по номеру своего каземата, былъ посаженъ въ крѣпость за нѣсколько лѣтъ до того, какъ они его увидали, за нанесеніе какой-то тяжкой обиды императору Александру II; какъ говорили, поводомъ къ оскорбленію послужило погибель сестры офицера, причиненная царемъ. На сколько это вѣрно, я утверждать не могу. Жандармы не безъ патетичныхъ подробностей описывали постепенный упадокъ умственныхъ способностей несчастнаго узника).

Подавленный мрачными воспоминаніями крѣпостныхъ драмъ, узникъ не можетъ дольше ходить по камерѣ; ему кажется, что его обутая нога осязаетъ оттискъ въ полу, сдѣланный ногою его неизвѣстнаго предшественника а это наводитъ его на мысль о страданіяхъ, о которыхъ онъ не смѣетъ и подумать. Сидя на узкой постели, онъ долго прислушивается и старается поймать хоть какой нибудь звукъ внѣшняго міра, какое нибудь проявленіе человѣческой дѣятельности, чтобы разсѣять мучительный ноч-

ной кошмаръ своего погребенія въ подземномъ склепѣ, населенномъ видѣніями замученныхъ самоубійцъ и сумасшедшихъ. Колокола собора продолжаютъ позванивать „Спаси, Господи!“ но эти слабые звуки мрачной мольбы замираютъ какъ будто еще въ большей, чѣмъ прежде, глубинѣ безмолвія. Вдругъ заключенный замѣчаетъ, что изъ средникъ дверей каземата на него устремлены два человѣческіе неподвижные глаза. Испуганный, черный, возбужденный, онъ думаетъ въ первый моментъ, что фантазія его разстроеннаго воображенія принимаетъ наконецъ осязательную форму, что духи политическихъ самоубійцъ, въ этотъ молчаливый часъ ночи, приносятся въ темный казематъ, гдѣ они однажды покинули свою истощенную — тлѣнную оболочку на полу съ проломленнымъ черепомъ или изрѣзаннымъ осколками стекла горломъ. Но между тѣмъ какъ онъ не можетъ оторваться отъ таинственнаго и холоднаго взгляда, глаза эти вдругъ скрываются и стукъ дверной форточки указываетъ, что мнимое видѣніе было ничто иное, какъ наблюдающій за нимъ изъ корридора сторожъ. Моментальное чувство успокоенія замѣняется еще большимъ угнетеніемъ при мысли, что хотя онъ и абсолютно одинъ, но тѣмъ не менѣе находится подъ постояннымъ надзоромъ и наблюденіемъ. Притомъ глаза сверхъестественнаго посѣтителя могутъ еще выражать состраданіе и сочувствіе, а безличный, безразличный, холодный взоръ невѣдомаго сторожа, появляющійся по временамъ безъ шума въ отверстіи „Іуды,“ дѣлаетъ положеніе его еще болѣе невыносимымъ: ужъ лучше быть совершенно одному, чѣмъ оставаться постоянно подъ этимъ бдительнымъ, безжалостнымъ и даже враждебнымъ наблюденіемъ, отъ котораго нельзя укрыться.

А когда наконецъ возбужденіе узника уляжется и дастъ

ему себя почувствовать пронизывающая сырость каземата, тогда, съ дрожью, частью вслѣдствіе холода, частью вслѣдствіе нервной реакціи, онъ скорчится на узкой кровати, натянувъ на плечи жиденькое байковое одѣяло. Послѣдній звукъ, доносящійся до его слуха въ моментъ погруженія въ безпокойный, полный сновидѣній, сонъ—это все тотъ же звонъ соборныхъ колоколовъ, наигрывающихъ въ полночь мелодію: „Боже царя храни"

Рутинный обиходъ жизни въ казематѣ.

День узника въ Трубецкомъ бастіонѣ начинается подачей ему въ 8 ч. утра горячей воды для чая. Кромѣ горячей воды правительство за свой счетъ ничего не даетъ, но если у арестанта есть собственныя деньги на рукахъ смотрителя, то послѣдній доставляетъ ему чай, сахаръ, бѣлый хлѣбъ, табакъ и тому подобные предметы роскоши, не воспрещаемые тюремными правилами. Около 2-хъ часовъ сторожъ ставитъ въ дверное отверстіе обѣдъ, изъ супа, въ которомъ плаваетъ нѣсколько кусочковъ мяса, каши изъ немолотого ячменя или овса, сваренная на водѣ и $1\frac{1}{2}$ фунта чернаго ржанаго хлѣба. Супъ, оставшійся отъ обѣда, разогрѣвается на ужинъ и вечеромъ же дается еще горячая вода для чая. Пища приносится въ жестяныхъ кружкахъ или оловянныхъ чашкахъ и съѣдается деревянными ложками: ножи и вилки считаются опасными орудіями и ни подъ какимъ видомъ не должны попадать въ руки заключеннаго. До 1879 г. пища политическихъ преступниковъ въ Трубецкомъ бастіонѣ была удовлетворительна и

обильна. Тридцать пять или сорокъ изъ пятидесяти и даже болѣе ссыльныхъ, которыхъ я распрашивалъ на этотъ счетъ въ Сибири, говорили мнѣ, что трудно было желать лучшей пищи за время ихъ заточенія въ крѣпости отъ 1873 по 1878 г. Она была и качественно и количественно лучше пищи, которая давалась въ другихъ имперскихъ тюрьмахъ. Но съ того времени, какъ террористы начали свою дѣятельность, въ 1879 г., содержаніе политическихъ преступниковъ подверглось перемѣнѣ къ худшему и въ крѣпости эта перемѣна проявилась въ уменьшенномъ количествѣ пищи и въ болѣе небрежномъ ея приготовленіи. Наконецъ послѣ убійства Александра II заключенные политическіе преступники лишились всѣхъ привиллегій, какими до того пользовались, были подвергнуты большей строгости и стѣсненіямъ и переведены на одну пищу со всѣми остальными арестантами. Когда, въ 1882 г., одинъ знакомый мнѣ студентъ-юристъ Стасовъ былъ посаженъ въ Трубецкой бастіонъ, то онъ сначала никакъ не могъ ѣсть предлагаемую ему пищу, не смотря на то, что онъ передъ этимъ просидѣлъ 4 мѣсяца въ губернской тюрьмѣ. Сторожъ замѣтивъ, что онъ оставляетъ свои обѣды и ужины нетронутыми, сказалъ ему: „что же, вы хотите уморить себя голодомъ?“

„А, положимъ, что и такъ,“ возразилъ узникъ; „кому же до того дѣло?“

„А мы вамъ не дадимъ,“ отвѣчалъ сторожъ; „мы васъ будемъ кормить насильно.“

„Какъ насильно?“

„Очень просто; вставимъ вамъ въ горло трубку и будемъ вливать молоко.“

„Да другъ любезный,“ сказалъ Стасовъ, „зачѣмъ же трубку? если вы мнѣ дадите молока, я его выпью безъ

всякой трубки.“ Сторожъ, молодой веселый солдатъ, засмѣялся и удалился, посовѣтовавъ арестованному ѣсть то, что стоитъ передъ нимъ. Голодъ наконецъ принудилъ Стасова проглотить тюремную порцію, но до чего была эта пища плоха и недостаточна доказываетъ то, что черезъ три мѣсяца онъ былъ доведенъ до сильнаго скорбута, а по истеченіи 4-хъ мѣсяцевъ найдено было необходимымъ перевести его въ домъ Предварительнаго заключенія, для спасенія его отъ смерти. Онъ сталъ до того слабъ, что не могъ подняться съ постели, изнуренное лицо его было блѣдно, глаза ввалились и изъ распухшихъ десенъ сочилась кровь при всякой попыткѣ пить. Онъ пробылъ 8 мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи безъ суда и его крѣпкое здоровье дошло до такого жалкаго состоянія, что призванный для осмотра его крѣпостный врачъ сказалъ: „надо васъ выхлопотать изъ этой могилы, а то скоро это будетъ слишкомъ поздно.“

Скучное однообразіе жизни въ Трубецкомъ равелинѣ до нѣкоторой степени облегчается ежедневнымъ выпускомъ на 10—15 минутъ въ маленькій внутренній дворикъ. Каждое утро или послѣ полудня въ положенный часъ сторожъ входитъ въ камеру съ платьемъ, которое имѣлъ узникъ на себѣ при арестѣ и, бросивъ его на кровать, говоритъ: „пожалуйте на прогулку.“ По тюремнымъ правиламъ узникъ при выходѣ изъ своей клѣтки долженъ всякій разъ надѣвать собственное платье за тѣмъ, чтобы во время его отсутствія его тюремная одежда могла быть старательно обыскана; его заставляютъ переодѣваться совершенно, перемѣнить даже подштанники и чулки и при этомъ строго присматриваютъ, чтобы онъ чего нибудь не успѣлъ переложить изъ одной перемѣны платья въ другую. Когда переодѣваніе кончено, его выпускаютъ въ маленькій дворикъ,

гдѣ онъ прохаживается взадъ и впередъ между двумя жандармами въ продолженіи 10 минутъ. Изъ этого своего манежа онъ видитъ немногимъ болѣе чѣмъ изъ своей клѣтки; но лѣтомъ и въ хорошую погоду даже этотъ дворикъ можетъ доставить великое наслажденіе послѣ сырого, темнаго и мертвенно-тихаго каземата: надъ нимъ все же виднѣется небо и когда узникъ ходитъ взадъ и впередъ, солнце тепло и ярко свѣтитъ ему въ лицо, а зеленые листья нѣсколькихъ кустарниковъ и приземистыхъ деревьевъ ласкаютъ его жадный взоръ; по временамъ до его слуха доносится свистокъ идущаго по Невѣ парохода или слабые звуки изъ близлежащаго зоологическаго сада, а до его ноздрей, при небольшемъ вѣтрѣ — свѣжее и влажное благоуханіе лѣса. Если бы такая прогулка продолжалась 2-3 часа, то, конечно, она могла бы имѣть самое благотворное вліяніе на здоровье и духъ арестанта; но такъ какъ въ бастіонѣ иногда живутъ 60 или 70 политическихъ преступниковъ и правительство желаетъ, чтобы они не могли ни видѣть другъ друга, ни обмѣниваться какими нибудь знаками, то каждому позволяется гулять въ дворикѣ только очень недолго, большею частью не болѣе 10 минутъ. А во время этой прогулки камера арестанта подвергается тщательному обыску, чтобы удостовѣриться не раздобылся ли онъ какимъ нибудь способомъ старымъ ржавымъ гвоздемъ, не припряталъ ли кусочка папиросной бумаги для тайной переписки, не скапливаетъ ли спичекъ, чтобы современемъ отравиться, — словомъ, нѣтъ ли чего такого, чтобы помогло или скрасить жизнь узника или поскорѣе развязаться съ нею. По возвращеніи съ прогулки въ камеру, узникъ снова надѣваетъ свое грубое тюремное и только что обысканное платье, и жандармъ уноситъ снятую одежду для новаго обыска. Этимъ заканчивается „рекреація“ для

По [illegible]ному утвержденію 50 и болѣе ссыльныхъ, съ которыми я бесѣдовалъ въ Сибири, скука, безмолвіе и полное отсутствіе занятій составляютъ самое тяжкое лишеніе въ Трубецкомъ бастіонѣ. Съ физическими лишеніями, плохой пищей, гнилымъ воздухомъ, сыростью и холодомъ еще можно свыкнуться; но умственная и моральная пытка, вслѣдствіе полнаго одиночества и отсутствія всякаго упражненія для рукъ и для мозга, рѣшительно невыносимы.

Какъ устроено наблюденіе и караулъ за арестантами.

Дисциплина въ крѣпости самая строгая. Въ 1881 г. въ каждомъ корридорѣ Трубецкого бастіона караулъ состоялъ изъ 2-хъ прежнихъ надзирателей, 5 солдатъ съ винтовками и пистолетами и 4 жандармовъ. Ихъ обязанность заключалась въ принесеніи пищи и воды въ камеры, въ топкѣ печей зимой, въ удаленіи по мѣрѣ надобности сора съ нечистотами, въ наблюденіи затѣмъ, чтобы ни въ одной части бастіона не было шума, а также въ постоянномъ, днемъ и ночью, непосредственномъ наблюденіи за узниками при помощи дверной форточки. На ногахъ у нихъ были мягкія войлочныя туфли, для того, чтобы они могли подкрадываться вдоль корридора и заглядывать въ камеру, не производя никакого шума; имъ позволено было только шепотомъ говорить между собою и съ узникомъ, а съ послѣднимъ запрещено даже вовсе разговаривать, за исключеніемъ крайнихъ случаевъ; имъ предписано немедленно доносить о всякомъ необычномъ или подозрительномъ по-

ступкѣ со стороны заключеннаго въ той или другой камерѣ
ихъ корридора. Наконецъ этимъ 3-мъ классамъ караула,
т. е. надзирателямъ, солдатамъ и жандармамъ, поручалось
наблюдать не только за арестантами, но и другъ за дру-
гомъ; такъ что всякій солдатъ, напримѣръ, который на-
чалъ бы чувствовать привязанность или симпатію къ узни-
ку и пожелалъ бы помочь или защитить его, уже заранѣе
зналъ, что за нимъ присматриваютъ жандармы и что вся-
кое его послабленіе или выраженіе сочувствія будетъ за-
мѣчено и донесено. Въ русскихъ тюрьмахъ всегда суще-
ствуетъ опасеніе, что политическіе преступники, по боль-
шей части люди образованные и съ сильнымъ характе-
ромъ, могутъ завязать дружескія отношенія съ стражей,
особенно съ солдатами, съ тѣмъ чтобы при ихъ помощи
вступить въ тайную переписку съ своими друзьями или въ
самой крѣпости, или внѣ ея. Это удавалось во всѣхъ тюр-
махъ имперіи и даже не разъ въ самой крѣпости. Чтобы
предупредить это, правительство не только поставило сол-
датамъ и жандармамъ въ обязанность наблюдать другъ за
другомъ, но даже распорядилось мѣнять ихъ такъ часто,
чтобы узники не успѣвали завязывать съ ними прочнаго
знакомства. Въ 1881 г. въ Трубецкомъ бастіонѣ солдаты
смѣнялись въ карауле каждый часъ и набирались тюремнымъ
насильствомъ все изъ разныхъ бастіоновъ изъ числа 50—
60 тысячъ войска, собраннаго въ Петербургѣ или его
окрестностяхъ. Жандармы тоже перемѣнялись часто, такъ
же дѣлалось и съ надзирателями, которые—ихъ всего 24
—ежедневно переводились изъ одного этажа или корридо-
ра въ другой безъ всякой правильности чтобы арестантъ
никогда не могъ дважды видѣть въ теченіи 2-хъ недѣль
одного и того же надзирателя и никакъ не могъ разсчи-
тывать, что въ извѣстный часъ будетъ дежурнымъ въ его

коридорѣ извѣстное лицо. Разъ въ мѣсяцъ арестантовъ водятъ по одиночкѣ въ баню, гдѣ они моются въ присутствіи 2-хъ жандармовъ и по мѣрѣ надобности въ камеры присылается цирюльникъ для стрижки волосъ и ногтей. Арестантамъ не даются въ руки острые инструменты ни на минуту, и если какой нибудь арестанткѣ разрѣшается шить въ своемъ казематѣ, то всякій разъ какъ ей понадобятся ножницы, она должна призывать сторожа и тотъ рѣжетъ самъ по ея указаніямъ.

Свиданія съ родственниками.

Скука и однообразіе жизни въ Трубецкомъ бастіонѣ для нѣкоторыхъ узниковъ нарушается свиданіями съ родными. Разъ въ мѣсяцъ отецъ, мать, сестра, братъ, жена или дѣти политическаго преступника могутъ получить отъ министра внутреннихъ дѣлъ или шефа жандармовъ разрѣшеніе пріѣхать въ крѣпость въ закрытой каретѣ и подъ стражею и поговорить 10 минутъ съ узникомъ. Въ комнатѣ, гдѣ происходятъ свиданія, установлены двѣ сѣтчатыя перегородки или рѣшетки изъ желѣзной проволоки, на разстояніи 5 — 6 футовъ одна отъ другой, съ четыреугольнымъ отверстіемъ въ каждой, на подобіе окошечка кассира въ банковскихъ конторахъ и на высотѣ головы человѣка отъ полу. Посѣтитель стоитъ у одной рѣшетки, а арестантъ — у другой съ лицами, обращенными къ окошкамъ, а тутъ же, между рѣшетками, за узкимъ столомъ сидитъ жандармскій офицеръ, чтобы слѣдить за разговоромъ. И посѣтитель и арестантъ заранѣе предупреждаются, что бесѣда должна строго ограничиваться личными и до-

машними матеріями, что она должна быть совершенно понятной для присутствующаго офицера и въ ней не должно употреблять именъ личностей и касаться общественныхъ дѣлъ. Для того чтобы предупредить возможный обмѣнъ какими нибудь тайными знаками, поставленный за узникомъ жандармъ слѣдитъ за всякимъ движеніемъ и выраженіемъ лица посѣтителя, тогда какъ другой жандармъ, стоящій за посѣтителемъ, наблюдаетъ точно также за узникомъ; за малѣйшую попытку, съ той или другой стороны, къ нарушенію этихъ запрещеній, свиданіе прекращается и арестантъ лишается на будущее время привиллегіи свиданій. Многіе изъ заключенныхъ принимаютъ эту такъ называемую льготу прямо за издѣвательство и отказываются сами отъ свиданій съ родными. Докторъ Мельниковъ, умный и образованный врачъ, встрѣченный мною въ ссылкѣ въ восточной Сибири въ деревнѣ около Монгольской границы, говорилъ мнѣ по этому поводу: „Свиданія мои съ женой были для меня источникомъ не радости, а новаго горя и отчаянія. То, что мнѣ хотѣлось бы сказать ей, я говорить не могъ; я не только не могъ обнять ее, но не смѣлъ даже пожать ей руки, и было бы осквернеміемъ любви говорить о ней въ присутствіи наемныхъ шпіоновъ и тюремщиковъ, для которыхъ это была бы пищей для насмѣшекъ и издѣвательствъ. Я могъ только отвѣтить на нѣсколько формальныхъ вопросовъ, смотрѣть съ болью въ сердцѣ на блѣдное и о мученное слезами лицо жены, наконецъ, проститься съ ней и уйдти въ свою камеру. Цѣлые дни и ночи потомъ меня преслѣдовало это измученное лицо, и я еще больше страдалъ, чѣмъ прежде. Наконецъ я отказался вовсе отъ этихъ свиданій

Привиллегіи и развлеченія. — Искусственная цкота.

Единственная и дѣйствительно драгоцѣнная привиллегія арестованныхъ въ Трубецкомъ бастіонѣ есть дозволеніе книгъ и письменныхъ принадлежностей. Въ бастіонѣ есть хорошая библіотека приблизительно изъ 1000 томовъ, составившаяся изъ книгъ, которыя были присланы узникамъ или куплены ими въ теченіи послѣднихъ 20 лѣтъ, но которыхъ имъ не позволено было взять съ собой по окончаніи срока заточенія. Многимъ, а можетъ быть и большинству политическихъ, ожидающихъ суда, разрѣшается брать книги изъ этой библіотеки. Письменный матеріалъ: перо, чернила и небольшая тетрадь изъ полдюжины листовъ сѣрой бумаги выдаются также нѣкоторымъ на нѣсколько часовъ въ день съ условіемъ, чтобы тетрадь возвращалась въ цѣлости, безъ всякихъ поврежденій. Эти привиллегіи однако же допускаются не всегда и не всѣмъ. Николай Хорушинъ, одинъ изъ прежнихъ пропагандистовъ, просидѣвшій 2½ года въ Трубецкомъ бастіонѣ, первые 5 мѣсяцевъ не видалъ ни одной печатной строки. Соломонъ Чудновскій, извѣстный публицистъ и членъ западно-сибирскаго отдѣла императорскаго географическаго общества, въ томъ же бастіонѣ, весной 1878 г., былъ облеченъ въ горячешную куртку за то, что настаивалъ на своемъ законномъ правѣ получить перо и бумагу для написанія жалобы прокурору. Многіе другіе, безъ всякаго объясненія причинъ со стороны тюремной администраціи, были лишены той или другой привиллегіи.

Кажется, что по временамъ правительство имѣетъ въ виду отказомъ во всякихъ средствахъ для умственнаго упражненія сломить упорство политическихъ преступниковъ и даже довести ихъ до сумашествія. Докторъ Мельниковъ, о которомъ я упомянулъ выше, долго былъ лишенъ и книгъ и письменныхъ принадлежностей, и когда тоска отъ отсутствія занятій стала невыносима, онъ началъ припрятывать кусочки чернаго хлѣба лѣпить изъ него различныя фигурки. Развлеченіе было самое безобидное даже съ точки зрѣнія самой строгой дисциплины, и будь оно разрѣшено, оно дало бы возможность молодому врачу коротать длинные и скучные часы безъ мучительныхъ помысловъ о помѣшательствѣ. Но лишь только дежурные въ корридорѣ жандармы узнали, чѣмъ онъ занимается, тотчасъ же отняли у него его фигурки и хлѣбъ и пригрозили, что если онъ снова придумаетъ какую нибудь подобную забаву, то будетъ наказанъ.

Могильная тишина каземата вскорѣ стала невыносимой доктору Мельникову при отсутствіи занятій. Ноги его, одѣтыя въ мягкія войлочныя туфли, не производили никакого звука, когда онъ ходилъ; онъ не смѣлъ стучать или барабанить пальцами и онъ такъ давно не слыхалъ собственнаго голоса, что по временамъ сомнѣвался, сохранился ли еще онъ у него. Наконецъ онъ забрался въ самый дальный уголъ своей камеры и, прижавшись къ нему, спиною къ двери, началъ тихо разговаривать самъ съ собою. Вскорѣ сторожъ заглянулъ въ форточку и сказалъ, что разговаривать вслухъ съ собою нельзя, а если онъ будетъ продолжать, то будетъ посаженъ въ темный карцеръ. Смущенный молодой врачъ пробылъ нѣсколько дней молча, но онъ снова вернулся къ мысли издавать какой нибудь звукъ, чтобы убѣдиться въ нормальномъ отправленіи сво-

изъ голосовыхъ связокъ и попробовалъ искусственно икать. Это ему удалось. Дежурный сторожъ потребовалъ, чтобы онъ прекратилъ икоту, но узникъ объявилъ, что икота происходитъ отъ спазматическаго сокращенія грудобрюшной преграды и голосовыхъ связокъ, независимо отъ его воли и что лучше пускай сторожъ принесетъ ему лекарства противъ икоты отъ крѣпостного доктора. Солдатъ послушавшись совѣта, отправился къ фельдшеру бастіона, а между тѣмъ узникъ, съ полною увѣренностью въ безнаказанности, продолжалъ икать радостно и такъ громко, что его слышно было во всемъ корридорѣ. Всѣ старанія тюремныхъ властей вылечить доктора Мельникова оказались безуспѣшны. Икота стала его хроническимъ пораженіемъ вплоть до окончанія тюремнаго заточенія; притомъ каждый день или черезъ день она усиливалась до степени остраго пароксизма. — и никакія лекарства не помогали. Когда Мельниковъ разсказалъ мнѣ этотъ эпизодъ своей тюремной жизни, я замѣтилъ, что по выходѣ на свободу, онъ, вѣроятно, тотчасъ же избавился отъ мучительнаго припадка. „О, нѣтъ," отвѣчала со смѣхомъ его жена. И теперь, когда ему дѣлается скучно, онъ начинаетъ искусственно икать въ продолженіи четверти или получаса, но онъ дѣлаетъ это безсознательно, такъ что икота обратилась у него какъ бы въ дѣйствительную болѣзнь."

Способы сношенія узниковъ между собой.

Главная цѣль строгой тюремной дисциплины, въ Трубецкомъ бастіонѣ, есть предупрежденіе сношеній между заключенными. Такъ какъ въ этой части крѣпости все содержатся политическіе преступники, еще не судившіеся, то для правительства весьма важно, чтобы они не имѣли возможности тайно переговариваться другъ съ другомъ и вырабатывать сообща планъ защиты; не могли передавать другъ другу послѣ предварительныхъ допросовъ обвинительные пункты и свои догадки и чтобы арестованные прежде не могли узнать отъ вновь арестованныхъ, что произошло внѣ тюремнаго міра послѣ ихъ заточенія. Правительство старается изолировать всякаго политическаго преступника такъ, что бы онъ считалъ себя единственнымъ человѣческимъ существомъ, въ этой части крѣпости, и не пытался стуканіемъ въ стѣну или другимъ какимъ способомъ привлечь къ себѣ сочувственное вниманіе. Такое отчужденіе было бы неосуществимо, если позволить арестантамъ говорить громко со сторожами или самими съ собою, такъ какъ узники, слыша подлѣ голоса, скоро узнали бы тогда о близости своихъ сообщниковъ; а если бы не преслѣдовать всякій, даже малѣйшій стукъ, то они скоро бы изобрѣли способъ условно переговариваться постукиваніемъ въ стѣны своихъ камеръ. Если бы на ногахъ у нихъ были не мягкія войлочныя туфли, то всякій шагъ по твердому полу могъ бы послужить числомъ или буквой для составленія шифра. Въ этихъ-то видахъ правитель-

ство и устраняетъ постоянный надзоръ за узниками и поддерживаетъ въ бастіонѣ гробовое безмолвіе. Но и тутъ результаты такой строгой системы наблюденія и запрещеній на практикѣ не всегда оправдывали теорію, и политическіе преступники изобрѣли три или четыре пути для сношеній между собою вопреки всѣмъ официальнымъ предосторожностямъ. Первый способъ для переговоровъ у нихъ составляетъ постукиванье. Тюремныя власти попытались въ 1876 г разстроить этотъ потайной телеграфъ покрывъ стѣны въ каждомъ казематѣ сѣтчатыми рѣшетками, обитыми мягкимъ, толстымъ войлокомъ. Выдумка эта создала только новую бѣду, не устранивъ той, противъ которой предназначалась: пространство между рѣшеткой и стѣной узники обратили въ потаенную кладовую для храненія лоскутковъ папиросной бумаги, старыхъ гвоздей, булавокъ, веревокъ, обгорѣлыхъ спичекъ и тому подобныхъ предметовъ, которые до этого было ужасно трудно скрыть отъ жандармовъ. Притомъ проволочныя заслоны не прекратили и выстукиваній. Узники скоро добрались, что желѣзные столики, вдѣланные въ стѣну каждаго каземата около головного края кровати, передаютъ звуки также хорошо какъ и стѣна, и стоитъ только посвященному въ этотъ секретъ человѣку приложить ухо къ такому столу — и онъ ясно услышитъ самый легкій стукъ по соотвѣтствующему столу въ камерѣ, лежащей выше или ниже. Это открытіе сдѣлало сношенія между камерами обоихъ этажей еще болѣе безопасными и удобными; для этого стоило только арестанту сѣсть на кровать, и прижаться головой, охваченной руками, къ столу, какъ бы въ позѣ сильной скуки или отчаянія и постукивать потихонку концомъ пальца по желѣзной доскѣ подъ прикрытіемъ своихъ плечъ. Такая поза совершенно натуральна и

не можетъ вызвать подозрѣнія въ тюремщикѣ; а когда нужно слушать отвѣтъ, то достаточно только чуть-чуть измѣнить позу, придвинувши ухо къ доскѣ. Легкіе удары по желѣзу даютъ слабый звукъ, но слышный на другомъ концѣ камеры, и всякій ударъ вызываетъ легкую вибрацію въ столѣ, которая передается соотвѣтствующему столу въ верхней или нижней камерѣ въ видѣ тихаго, мягкаго дрожанія. Этотъ способъ еще безопаснѣе обыкновеннаго, ибо, если бы тюремныя власти и вздумали, какъ это они нерѣдко дѣлаютъ, устроить ловушку для выстукивающихъ, внезапно выведя 3—4 арестантовъ изъ ихъ камеръ и посадивъ на мѣсто ихъ жандармовъ, то этимъ ничего не добились бы. Выстукиваніе продолжалось бы, но офиціальные подслушиватели и не за подозрѣвали бы этого, потому что имъ и въ голову не придетъ приложить ухо къ столу, безъ чего не слышно ни малѣйшаго звука.

Шифры посредствомъ хлѣбныхъ пилюль.

Крѣпостныя власти имѣютъ только два дѣйствительныя средства предупредить сношенія между узниками выстукиваніемъ; это или держать пустыми всѣ камеры, прилегающія къ занятымъ политическими преступниками, или же посадить къ каждому преступнику по жандарму или солдату. Но даже и при этомъ сношенія не совсѣмъ прекращаются, если только заключенный не лишенъ права на ежедневную прогулку и на полученіе книгъ изъ библіотеки. Если онъ убѣждается, не получая отвѣтовъ на свои удары, что сосѣднія камеры пусты, то онъ сберегаетъ кусочки папиросной бумаги, протыкаетъ въ ней дырки или пунктируетъ ее концомъ обгорѣлой спички такимъ образомъ, чтобы группа дырокъ или точекъ по счету соотвѣтствовала извѣстнымъ буквамъ въ общеупотребительномъ квадратномъ шифрѣ, затѣмъ обволакиваетъ этотъ бумажный лоскутокъ размоченнымъ хлѣбомъ и хранитъ его до тѣхъ поръ, пока не будетъ выпущенъ на прогулку. Какъ только онъ услышитъ, что жандармы идутъ за нимъ, онъ прячетъ эту хлѣбную пилюлю въ ротъ, а проходя во дворикъ, онъ старается незамѣтно выбросить ее такъ, чтобы тотъ арестантъ, который послѣ него будетъ выведенъ на прогулку, могъ ее найдти. Маленькій буроватый шарикъ чернаго хлѣба такъ мало отличается отъ цвѣта земли, что не можетъ остановить на себѣ вниманія стражи, тогда какъ онъ навѣрное будетъ замѣченъ человѣкомъ, съ страстнымъ нетерпѣніемъ, поджидающимъ

тайнаго извѣстія о братѣ, женѣ или дорогомъ другѣ, который, по его предположенію, томится тутъ же гдѣ нибудь въ сыромъ казематѣ. А если узникъ не можетъ достать папиросной бумаги, тогда онъ выщипываетъ немного шерсти изъ чулковъ или нѣсколько нитей изъ своей бумажной простыни и, завязавъ на нихъ нѣсколько узелковъ въ такомъ порядкѣ, чтобы группа ихъ соотвѣтствовала цифрамъ въ квадратномъ шифрѣ, также выбрасываетъ въ дворикѣ. Первый арестантъ, замѣтившій хлѣбную пилюлю или нитку съ узелками, старается поднять ихъ, притворившись, что ему нужно завязать башмакъ или употребивъ какую нибудь иную уловку; захвативъ добычу, онъ прячетъ ее въ ротъ, приноситъ такимъ образомъ въ свою камеру и при первомъ удобномъ случаѣ дешифрируетъ посланіе. Такія посланія, конечно, немногословны, но тѣмъ не менѣе иногда полны значенія и содержанія. Въ ноябрѣ 1880 г., сидѣлъ въ крѣпости извѣстный революціонеръ Гольденбергъ; умственныя его способности были отчасти не въ порядкѣ вслѣдствіе одиночнаго заключенія. Въ припадкѣ нравственнаго угнетенія онъ увѣрилъ себя, что революціонное движеніе не представляетъ никакой надежды на успѣхъ, что продолженіе борьбы можетъ привести только къ худшимъ послѣдствіямъ и бѣдствіямъ и что для спасенія молодежи отъ новыхъ и безплодныхъ жертвъ самое лучшее — прямо и искренно открыть шефу жандармовъ все, что ему извѣстно и такимъ образомъ дать возможность правительству рѣшительнымъ ударомъ сокрушить всю революціонную организацію. Этотъ планъ былъ плодомъ разстроеннаго мозга, но Гольденбергъ привелъ его въ исполненіе и передалъ правительству всѣ свѣденія о намѣреніяхъ и персоналѣ организаціи, къ которой принадлежалъ самъ. Это предательство пошло въ конецъ раз-

строило революціонную партію, приведя къ немедленному аресту большаго числа самыхъ отважныхъ и способныхъ ея представителей Сдѣлавъ этотъ злополучный шагъ, Гольденбергъ сталъ мучиться мыслью, что его товарищи въ тюрьмѣ неправильно истолкуютъ себѣ побудившіе его къ сознанію мотивы и, можетъ быть, припишутъ его сознаніе низкой измѣнѣ или трусости Онъ находился еще въ одиночномъ заключеніи въ крѣпости и не имѣлъ возможности объяснить или оправдать свой поступокъ, но его товарищи изъ подбрасываемыхъ имъ въ дворикѣ шифрованныхъ сообщеній видѣли, что ему надо въ чемъ-то объясниться. Одинъ изъ значительныхъ революціонеровъ, сидѣвшій тогда въ крѣпости, а теперь сосланный въ восточную Сибирь, говорилъ мнѣ „рѣдкій день проходилъ, чтобы кто нибудь изъ насъ не поднялъ во дворѣ хлѣбную пилюлю или клочекъ папиросной бумаги съ зашифрированными словами: „я могу объяснить — Гольденбергъ.“ Тяжко было видѣть, какъ бѣдный товарищъ силился объясниться съ нами и какъ его грызла мысль, что мы будетъ считать его за предателя или труса.“ Гольденбергъ еще до конца этого года умеръ загадочно въ тюрьмѣ и смерть его приписывалась самоубійству Правительство воспользовалось его исповѣдью противъ Желябова на судѣ цареубійцъ въ 1881 г., но отказалось сообщить о времени и обстоятельствахъ его смерти (см стенографическій отчетъ о судѣ надъ цареубійцами, стр 7. Петербургъ, 1881).

Другой способъ сношеній, когда почему нибудь перестукиваніе дѣлалось невозможнымъ, производился посредствомъ библіотечныхъ книгъ Когда книга послѣ употребленія возвращалась арестантомъ, то жандармъ тщательно осматривалъ въ ней всякую страницу прежде, чѣмъ поставить ее на мѣсто въ библіотеку, розыскивая, нѣтъ ли въ

ней какихъ закладокъ или замѣтокъ на поляхъ. Не смотря на такую предосторожность, узники ухитрялись дѣлать отмѣтки въ книгѣ такимъ образомъ, что они оставались незамѣченными жандармами, тогда какъ тѣ товарищи, въ чьи руки потомъ книга попадала, умѣли ихъ отыскать. Они перомъ или спичкой дѣлали слабое вдавливаніе на нѣкоторыхъ буквахъ печати. Эти надавливанія были совсѣмъ незамѣтны, если держать листъ книги подъ прямымъ угломъ къ полю зрѣнія, но они становились ясными, если держать страницу къ свѣту подъ острымъ угломъ и смотрѣть близко и снизу. Вдавленіе на второй буквѣ отъ начала строки означало цыфру 2, а на 3-ей буквѣ той же строки означало 3, цыфра же 23 соотвѣтствовала въ шифрованномъ квадратѣ буквѣ „х.“ Такимъ образомъ посланіе могло расшифровываться даже въ присутствіи жандарма, и едва ли могло случиться изъ 100 случаевъ хоть одинъ разъ, чтобы эти слабыя значки рисковали быть замѣчены офиціальными досмотрщиками, просматривавшими 300 или 400 страницъ въ 5 минутъ и часто относившимися къ этой обязанности формально и небрежно.

Крылатый вѣстникъ.

Можно подумать, что человѣческая изобрѣтательность не можетъ идти дальше этой выдумки способовъ тайнаго обмѣна мыслей и ощущеній съ другими узниками, для сокращенія однообразія тюремнаго заточенія, но въ крѣпости иногда бывали въ ходу способы, ещё болѣе необыкновенные. „Однажды лѣтомъ 1881 г., послѣ обѣда," разсказывалъ мнѣ докторъ Мельниковъ при описаніи своей тюремной жизни," я лежалъ на кровати въ своемъ казематѣ, придумывая, какъ бы убить остальную часть дня, какъ вдругъ въ дверную форточку изъ корридора влетѣла ко мнѣ большая синебрюхая муха. Достаточно всякаго пустяка въ казематной скукѣ и одиночествѣ, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе, а случайное посѣщеніе мухи составляетъ важное событіе въ этой жизни. Я съ наслажденіемъ прислушивался къ жужжанію мухи и слѣдилъ глазами, какъ она летала вдоль и поперегъ камеры, какъ вдругъ мнѣ представилось что-то не натуральное въ очертаніяхъ ея тѣла. Мнѣ показалось, что къ ней что-то подвязано. Я поднялся съ кровати, чтобы разсмотрѣть лучше и скоро убѣдился, что къ ней прикрѣпленъ кусочикъ бумаги. Я съумѣлъ бы какъ ее поймать и скрыть бумажку, не привлекая вниманія корридорнаго сторожа, но муха летала такъ высоко, что я не могъ достать ее. Я подкарауливалъ ее 10—15 минутъ, придумывая, какъ схватить ее, и наконецъ, когда она спустилась ниже къ полу и пролетѣла мимо меня, мнѣ удалось поймать ее въ ладонь, не помявши крыльевъ. Тонкимъ человѣческимъ волоскомъ былъ привязанъ къ ея тѣлу сло-

женный кусочикъ папиросной бумаги и на немъ была написана обгорѣлымъ концемъ спички какая-то фамилія Илія это мнѣ было совсѣмъ незнакомое, но было ясно, что какой-то строго содержимый арестантъ надѣялся этимъ путемъ дать знать своимъ друзьямъ въ бастіонѣ или что онъ арестованъ, или что живъ еще, а потому я снова сложилъ бумажку, привязалъ ее, какъ съумѣлъ и выпустилъ муху черезъ дверную щель въ корридоръ, сказавши: „съ богомъ!“

„Слышали ли вы что нибудь потомъ объ участи мухи и разыскали ли того, кто ее отправилъ?“ спросилъ я.

„Нѣтъ,“ отвѣчалъ онъ. „Муха изчезла въ корридорѣ, и попала ли бумажка въ чьи нибудь руки, кто знакомъ былъ съ арестантомъ, я не знаю, но думаю, что едва ли, такъ какъ для этого было 1000 шансовъ противъ одного.“ Если страницы эти попадутся тому политическому преступнику, который написалъ свое имя на лоскуткѣ папиросной бумаги и если онъ живъ и еще въ Сибири, то пусть онъ узнаетъ, что его маленькій крылатый вѣстникъ не пропалъ безслѣдно, а доставилъ его имя другому узнику, хотя и незнакомому съ нимъ, но который часто о немъ думалъ съ сочувствіемъ и состраданіемъ и безпрестанно вспоминаетъ о немъ, прозябая въ сибирской ссылкѣ